Текст · 15 июня 2020, 08:35
Дмитрий Швец,

«Я огорчился от службы». Сотрудники ФСБ рассказывают, почему решили уволиться — но не смогли этого сделать

Двое сотрудников ФСБ поступили на службу в Москву, но быстро разочаровались из-за плохих условий и пренебрежительного отношения начальников. Они рассказали «Медиазоне», почему попытались уволиться — и как им до сих пор не позволили этого сделать.

Разочаровавшись в своей работе, двое рядовых сотрудников оперативно-постовой службы ФСБ из Москвы попытались уволиться до истечения срока пятилетнего контракта, но не смогли этого сделать. По словам молодых сотрудников, невозможность досрочно покинуть службу беспокоит многих их коллег, но те предпочитают не идти на конфликт с руководством, надеясь на повышение, перевод в более престижное подразделение или просто ожидая окончания срока контракта.

Оба собеседника попросили «Медиазону» изменить их имена. Один из сотрудников, Анатолий, после пяти лет работы в регионе перевелся в Москву, где, по его мнению, условия службы оказались значительно хуже. Второй, Константин, сразу попал в Москву — в своем регионе он получил высшее техническое образование, отслужил в армии и до поступления в спецслужбу некоторое время работал по специальности.

Устраиваясь на службу в ФСБ, сотрудники, пройдя многочисленные проверки, подписывают пятилетний контракт. Формально законодательство предполагает, что уволиться по собственному желанию можно только после решения аттестационной комиссии, которая признает, что у сотрудника сложились обстоятельства, «которые объективно не позволяют военнослужащему в полном объеме выполнять условия заключенного контракта». Перечень таких обстоятельств нигде не закреплен.

Константин и Анатолий рассказали, как они попали в ФСБ, почему разочаровались в службе и как теперь пытаются уйти оттуда.

Начало службы в ФСБ

Анатолий

Профессию я выбрал еще в школе, ведомственный пограничный вуз, распределение в Москву, в одном управлении данной структуры проходил службу в районе четырех лет.

Когда к нам приходит, скажем так, товарищ потенциальный, который хочет у нас послужить, ему в уши вливается информация. Рассказывают о прекрасных условиях карьерного роста, о денежном довольстве, которого у нас нет. Там тысяч 20-30 тысяч докинуть сверху [могут] — сказать, что у тебя будет не 40, а 70 тысяч, не 50, а 80 [тысяч рублей зарплата].

Я подразумевал, что у нас будут определенные тяготы [по роду службы]. Но суть не столько в этих тяготах, а в общем положении дел в системе, отношении руководства к сотрудникам и вообще в том, что мы занимаемся ненужной работой.

К примеру, я приехал в Москву, год я прожил в служебной квартире, где всегда сыро, на хлебе черная плесень буквально за два-три часа появлялась. Мне нужна временная регистрация и жене, чтобы ей на работу ходить, в детский сад ребенка записать — в жилищном управлении дают список документов, ты их приносишь, а [сотрудник управления попросту] забывает про них. Потом, разумеется, у каких-то документов сроки проходят, и все по новой, по новой, по новой. Раза со второго-третьего они тебе регистрацию сделают.

Есть определенный фонд жилья, который предусматривает его получение теми сотрудниками, государственными служащими, которые не будут жить в варианте хуже — они будут возмущаться. А нам можно что угодно дать, нас можно и втроем поселить в одну квартиру, и вдвоем, у кого нет семьи.

Константин

У меня высшее образование техническое — институт закончил и отдал долг родине: полгода учебки и в войсках. Служба очень понравилась, я думал, что везде так, но оказалось, что это только в моей части все хорошо. По окончании службы в армии я устроился сначала на предприятие, где работал до этого.

В ФСБ [в Москве] я устроился летом прошлого года, когда прибыл сюда, понял, что есть люди, которые никому не нужны, лишь бы приходили на работу и выполняли свои обязанности, и лишь бы их не слышно и не видно было. Я огорчился от службы — срочная мне показалась более адекватной, интересной. И отношение от руководства там было более человечное, обещали вскоре перевести в другой отдел, по моей специальности.

Я неоднократно поднимал разговор, что когда меня устраивали [в ФСБ], вербовка была хорошая — мол, здесь сахар и шоколад, люди служат и всем нравится, при этом [меня тогда] старались оградить от личного состава — видимо, чтобы я не смог с кем-то побеседовать. В дальнейшем меня, конечно, направили переночевать к сотруднику, потому что не было жилья здесь, и, я так понял, его настроили так: «Если ты нам поможешь его переубедить, дальше перейдешь в другой отдел, в который захочешь или будет возможность» — это я предполагаю.

У меня нет к нему претензий, я ему говорил — ну вот я сейчас подпишу контракт на пять лет, а вдруг меня что-то устраивать не будет, что-то не очень хорошее будет? Он говорит — да нет, тут всегда уволиться можно, а оказалось, что здесь даже испытательного срока не было. Причем когда я устраивался, [Анатолий] уже пытался уволиться, тот человек был с ним в одном отделении — не уверен, что он об этом не знал. Все карты складываются.

Может, ему как-то сказали, да и он меня не знал, думал, что я приду и скажу — а я вот после разговора с этим сотрудником устраиваться не буду. У него бы

тоже ничего не получилось, он бы сидел так же, скорее всего, боялся лишнего сказать и пытался сделать так, что я как бы благодаря ему и завербовался.

Иллюстрация: Виктория Ким / Медиазона

«У нас очень рабские условия службы»

Константин

На срочной службе я видел, какое отношение между военнослужащими-срочниками и контрактниками: равные права, друг с другом общаются по имени-отчеству, у многих даже дружба. А здесь как-то стараются разделять на касты вообще людей, есть люди, которые работают, скажем так, на начальство: я с кем-то поговорил о своих будущих планах, мечтах, где-то с кем-то даже посидел, грубо говоря, пивка попил, и на следующий день мне говорят — а почему ты вот этим занимаешься? Постоянный контроль, этого не скрывают даже, просто не говорят, кто это делает, но когда информация проходит, то начинают с ней работать.

Я приехал с региона, у нас не принято что-то за спиной показывать, если с кем-то за столом сидишь, оно за столом и остается. С одним товарищем тут сидели, он меня спрашивал, начал наводящие вопросы задавать, я без задней мысли ему рассказываю: вот сейчас годик-два, обещали перевод на должность по специальности, условия.

Человек является непосредственным доносчиком, я его по-другому не назову, проходит пара дней, и начальник, не уточняя, искоса на меня смотрит и говорит: ребята, не нужно никуда рваться, не нужно ничего делать, служите — и вас заметят.

Здесь колоссальные переработки, бывает за год и 400, и 500 часов, я даже не знаю всех сумм переработок, и попыток их как-то возместить вообще никаких, ссылаются на то, что кто-то в отпуске, кто-то заболел — ну что поделать, мы люди военные, нам нужно выполнять свою работу. При малейшем намеке, что было бы хорошо как-то возместить это, они говорят — ну нет возможности, извините, служите.

То есть, вот на 23 февраля кто-нибудь в выходной поехал посидеть в кальянной до двух-трех часов ночи, и у начальства сразу появляются вопросы — ты же военнослужащий, ты всегда должен быть готовый, вдруг тревога, вдруг еще что-нибудь? А мы, хоть и военнослужащие, мы честь и погоны никоим образом не пачкаем, не дебоширим, это особенно у нас все прописано.

Анатолий

У нас очень рабские условия службы, очень рабские условия. Сам оклад — по званию, но есть всякие надбавки, получается тысяч 50-55 [рублей]. Но есть люди, которые ничего не делают, и получают тысяч по 80 — примерно в таком же звании. Рабочая неделя — это минимум 60 часов, никаких поблажек, если раньше с работы уходить — будет финансовое воздействие, надбавки снизят и будешь получать 35 тысяч.

Можем плавно подойти к дедовщине, наверное. Тут постоянно хотят на это ссылаться: «А, да ты, может, мало послужил, а я вот служил, было вообще жестко». Да, но рыба, где глубже, а человек — где лучше. Мне бы хотелось иметь достойные условия труда, чтобы я не жил на работе. У нас нет уверенности в следующем дне. Грубо говоря, я не знаю, что будет [необходимо на службе] — не могу распланировать время, чтобы, допустим, сходить в кинотеатр или в бассейн, или в аквапарк в выходной. У меня обычно выходные проходят так, что я просто сплю. Просто вот сплю день, проспал выходной и все.

И на работе мы не сидим в кабинетах, потому что там определенные люди сидят, наверное, более вышестоящие. Ты к восьми утра обязан прибыть в управление, инструктаж, еще один инструктаж, дают цели и установку, можно попасть на суточное дежурство — нельзя строить планов никаких, грубо говоря, пойти купить себе телевизор или телефон.

Мы работаем непосредственно на улице с населением. Разумеется, постоянно контактируем с людьми — ну, оперативная служба. Можно сказать, идете вы по улице, видите: стоят два человека, общаются, а на

самом деле там оперативник собирает какую-либо информацию.

К примеру, в последнее время ставят задачи такие: мы обходим общественные места, проверяем камеры, проверяем сотрудников полиции, слушаем, что обсуждают простые люди в общественных местах, покупатели в магазинах, обыватели. Задача обычно... просто по выявлению чего-либо, по предотвращению чего-либо. То есть ты должен сам что-то выявить, там что-то предотвратить. Грубо говоря, это в основном сбор информации определенной, и просто ты тратишь всю свою, грубо говоря, физическую активность на ненужное движение, действие. Конечно, требуется какая-то подготовка, особенно, правовая.

Вот Чемпионат мира по футболу понравился, наверное, зрителям. А мы проводили, грубо говоря, по 16-18 часов на дню на всяких объектах спортивных без смен, без обеда, без питья. И когда, допустим, привлекали тех же сотрудников Росгвардии или срочников, их и покормят, и дадут попить, и все у них более-менее обеспечено. А нам говорят: «Ну, ребята, вы самостоятельные, зарплату получаете, занимайтесь работой».

Я вам ответственно заявляю, это было все очень глупо организованно. Просто в кучку всех силовиков накидали и [нас поставили как] старших сотрудников. Разумеется, никто никакую переработку нам не оплатил. Премию обещали, разумеется. Сотрудники полиции, сотрудники Росгвардии — все пополучали премии годовые. Нам, разумеется, по пять-шесть тысяч в конце года

перечислили, а в январской зарплате эти пять-шесть тысяч как бы вычли. А руководители управления отделов получили очень хорошие премии.

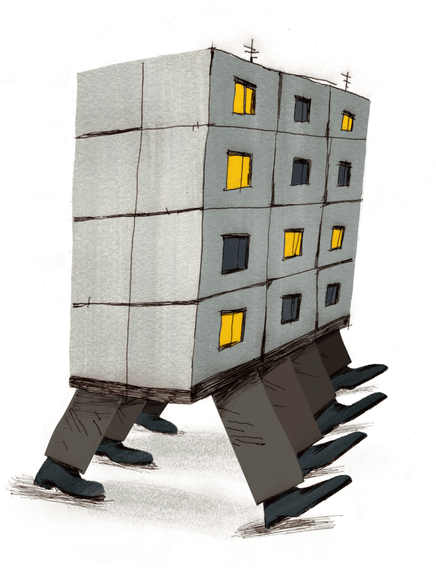

Иллюстрация: Виктория Ким / Медиазона

«У меня появилось сомнение в желании проходить службу»

Константин

Я вижу, как со стороны все проходит, как хорошие парни, которые по девять-десять лет служат, один контракт заканчивается — и начинаются разговоры: «Давай, подписывай новый, и мы тебя переведем [в другой отдел или на новую должность]». Завтраками-завтраками [кормят], люди все равно теряют интерес к службе, на восьмой-девятый год переводят их на другие специальности, и опять же предоставляют не то, что обещают.

Все понимают, что бывают разные отделения, и в некоторые отделения легче найти людей, а в наше — проблематично. Вообще в эту сферу тяжеловато попасть, значительные проверки, комиссии врачебные, слишком высокие требования, но бывает разное. А я не по специальности нужен там, а закрыть кадровую дырку, не хватает штата.

Единственное достоинство, получается — то, что я прошел проверки.

Анатолий

Я вообще уже задумывался, хорошая ли у меня служба, перед выборами президента [в марте 2018 года], когда я наблюдал бредовые ситуации, где всех обязывают идти голосовать за определенное лицо. В управлениях ставили кабинки для голосования. Приходишь на службу, говорят: «Ну все, родной, иди голосуй». Поднимаешься. Проголосовал здесь. Потом тебя могут отправить еще на школу, ну, просто контролировать мероприятия, поприсутствовать, координировать работу правоохранительных органов, а ты еще и там проголосуешь. То есть, грубо говоря, по два-три раза некоторые товарищи проголосовали.

Вы же понимаете, сотрудник органов безопасности — это не такой человек, который «да, Путин — хозяин, господин, Бортников — царь». Ты всегда хочешь, чтобы что-то менялось, чтобы институт власти совершенствовался. Даже когда были выборы, из 40 человек процентов 70, с кем я пообщался, за Грудинина голосовали. И я уже понял, что это бредовая ситуация, и у меня появилось сомнение в желании проходить службу.

Пенсионную [реформу] под шумок провели — я из региона, там родители. Здесь у меня начальник отдела получает зарплату 140 тысяч, а там, допустим, папа за 16-20 тысяч трудится сутками. И вот такое неравенство... у меня постепенно зародилось сомнение вообще в правильности выбора профессии.

Или митинги, когда определенное количество оперативной службы за тобой закрепляют: наблюдать, лазить там, туда-сюда. Ну глупости, вплоть до того, что выводят на кордон и мы какие-то сумки досматриваем.

Думаю, до [попытки] увольнения ко мне нормально относились, нареканий по службе не было, у меня есть награды, поощрения от руководства самого высокого, письма благодарственные от командования — их не дают под копирку — в части меня считали хорошим, в список включали за достижения и безупречную службу.

Я пытался придумать, чем заняться в будущем, после увольнения. Складывалась такая иллюзия, что я ничего не умею, наверное. Я закончил военный институт ведомственный, я, по сути, послужил... а что я умею, что мне может пригодиться на гражданке? Но потом я переборол эти сомнения, думаю, поеду к родителям, буду помогать. Если не понравится в регионе, я всегда могу приехать обратно в Москву, найти на гражданке себе какую-нибудь работу со средним заработком.

И буду знать, что мне никто ночью не позвонит, что никто с меня не будет требовать, никто меня не будет унижать, никто не будет утыкать меня. И то, что я там себе хозяин. Я могу решить, что, вот, завтра я хочу отдохнуть, я возьму себе выходной, да, и отпуск я спланирую. А вы думаете, это прикольно, ездить, там, в Крым или в Сочи? Но это же вообще не круто. У нас нет такого уровня информации, к которой нужно ограничить доступ. Пусть бредово, но вот полиция — они всегда могли слетать в Кубу, Вьетнам, или

Турцию им открыли в том году. Я вообще не был за границей. И я очень много хочу посмотреть, и я бы начал с ближайших, с какой-нибудь Латвии, Риги. Абхазия, хотя бы в Абхазию съездить.

Иллюстрация: Виктория Ким / Медиазона

«Просыпаюсь, иду на работу, как на каторгу»

Константин

Я уже демотивирован на службе и хочу реализовать себя в другом месте. Пять лет отдал учебе, были вложены деньги, силы и время. Возможно, в другие органы пойду, где я буду заниматься важными делами и чувствовать себя человеком, не ущемленным в правах. Не знаю, как жизнь покатится дальше, характеристику не хотелось бы портить. Наобещали всякого: карьерный рост, звания, соцпакет, работа не бей лежачего, все будет классно, и потом как-то — раз! — и все забывается. Вроде устроился человек, ладно, пускай там не вякает. У меня прям нет сильных пререканий с начальством, но я себя не чувствую нужным человеком.

Я могу сказать [начальству] про немотивированность, но они могут это по-другому расслышать, может

быть, я сегодня это сказал, а завтра я уже сижу за решеткой. Я не знаю, как это может обернуться, мне моя жизнь дорога, и я иногда даже начинаю думать, что пять лет [контракта] — это не такой уж и большой срок.

Анатолий

В других структурах, там и должность предоставляют, и дают работать. Понятно, что и там есть определенные проблемы, и даже серьезные есть, но все равно там отношение человеческое. А у нас в управлении сложилась такая тенденция, что все свои, все родственники позанимали определенные должности. Простых ребят берут, грубо говоря, знаете, шушерой, и она должна делать все, пока остальные чаи гоняют.

Не знаю, возможно, много так где. Может быть, везде в каких-то ведомствах силовых. Я понимаю, ну хорошо, не хочешь ты работать, ну пусть вот этот глупый твой подчиненный, пусть он работает день и ночь, если он дорожит своим значком чекиста, еще чем-то. А если он, как я, человек размотивированный? Не хочу служить.

Я просыпаюсь, иду на работу, как на каторгу. Я не хочу работать. Просто я исполнительный, я стараюсь качественно выполнять задачи. Но вот смысл меня держать? Вот зачем я нужен такой? Я не хочу, не хочу — ну и иди нафиг отсюда. Зачем до этого доводить сотрудников? Тут благонадежность нужна максимальная, а когда люди пытаются и не могут уволиться — ну такая себе благонадежность.

Несколько товарищей ушли в МВД, Росгвардию или еще куда-то: кто-то по здоровью, кто-то дождался окончания контракта. Процентов 90, что принимают отрицательное решение [о досрочном расторжении контракта], вот как мне сказали — ну, если у тебя кто-то умрет, может быть, появится уважительная причина в наших глазах. И есть люди, которые по 10-12 лет отслужили на земле, вкалывали как собаки, а потом их просто переводят, можно сказать, на равнозначную должность. Просто они уже не вкалывают как собаки на земле, они вкалывают как собаки уже непосредственно только с документами: отвези туда, привези туда, забери то.

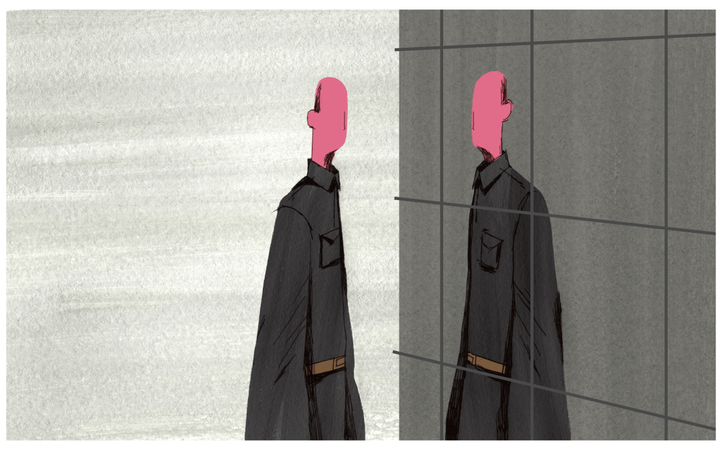

Иллюстрация: Виктория Ким / Медиазона

«Мы тебя не отпустим — служи дальше»

Анатолий

Главное с этой структурой не дружить, грубо говоря. Не служить, уйти и просто забыть как страшный сон вот эту дичь, которая тут происходит. И в месяц икс, это в конце мая или начале июня [2019 года], я пришел с рапортом к своему непосредственному руководителю: «Вот у меня рапорт. Я решил уволиться». Куча бесед сначала со стороны непосредственного руководства — то есть

еще не кадры — одобрили. Ко второму подошел, там: «Ты куда, как, что?» — я объяснил, вроде одобрили.

Дело доходит до кадров, вызывает там определенный человек, заместитель начальника отдела кадров, и начинает проводить со мной беседу, мол: «Ну ты понимаешь, что мы тебя не можем уволить. Ты сотрудник. Ты служил. Что тебе не нравится? Вот квартира служебная у тебя есть, зарплата — якобы! — не самая плохая».

Я сказал: «Нет-нет, я ухожу на гражданку. Займусь чем-нибудь». И после этого уже начинается: «Ну знаешь, я думаю, мы тебя не отпустим — служи дальше». Отвечаю: «Вы понимаете, что у меня есть определенный материал, который я собирал, который доказывает, что в отношении меня руководство нарушает права. Начиная от графика несения службы, табели, заканчивая различными графиками, распределениями, приказами?». Это все собиралось мной на определенном промежутке времени, я смогу поднять что-то там, достать, говорю — буду обращаться в военную прокуратуру, и пусть они мои права пытаются как-то отстаивать.

На что он мне говорит: «Ну, друг, у тебя нет шансов обратиться в прокуратуру. То есть ты обратишься, сам понимаешь, мы все замнем. Тебе только хуже будет». В ту же прокуратуру если обратиться — мне начальник сказал: «Ты принесешь туда свою папочку, а я принесу на тебя папочку в два раза больше».

Прямо так, прямым текстом: «Понимаешь, у тебя проблемы по службе начнутся» — и так далее, и так далее. В таком контексте разговор был, что у меня

будут проблемы на службе, если я куда-то обращусь и попытаюсь что-то сделать. Это был заместитель начальника. Ну, я все равно продолжал гнуть свою линию, мол, я не хочу больше служить.

Я где-то три рапорта по собственному желанию подавал — их рвали, официальный отказ давать никто не хочет. Потом я делаю как, наученный жизнью: пишу рапорт, формирую заказное письмо, отправляю на имя уже начальника управления. То есть это письмо приходит именно начальнику управления, и он с ним обязан ознакомиться. Как положено, чтобы я смог в суде доказать, что отправка этого письма мной была осуществлена, что там реально был рапорт на увольнение и с уведомлением о доставке. То есть когда наш секретариат получил это письмо — они там расписываются, что получили.

Тогда состоялся очень явный конфликт непосредственного руководства со мной, они были очень недовольны, начали меня пугать тем, что я нарушил порядок обращения. У военнослужащих любая проблема решается через непосредственного руководителя, то есть они считали, что я должен на начальника отдела подавать рапорт, и он пусть потихоньку вверх-вверх-вверх идет — а я так до этого и делал три раза. Меня хотели привлечь к дисциплинарной ответственности в связи с нарушением порядка обращения.

Но я сумел отстоять свою точку зрения на дисциплинарной комиссии, что это был не служебный вопрос, а личный, я не попросил, грубо говоря, новое оружие или спецсредство, я попросил досрочно отпустить меня на волю. Состоялась

аттестационная комиссия, мне потом сказали: «Ну, знаешь, тут такая проблема, тут [у тебя написано про увольнение] по собственному желанию — а если мы тебя так отпустим, то типа половина вашего отдела разбежится так же, все начнут увольняться. Переписывай рапорт [на увольнение] по семейным обстоятельствам». Это, грубо говоря, льготная формулировка, если тебя по «семейным» уволили, то у тебя остаются какие-то незначительные льготы, плюс можешь восстановиться на службе через какое-то время.

Просят предоставить кучу справок, они вообще мыльные, ничего не значат, фанера — нужно доказать, например, что брат находится у родителей на иждивении, или что супруга в другом регионе работает. То есть я должен еще как-то подкорректировать, чтобы эту справку получить, супругу, наверное, выгнать из дома, чтобы получить эту справку. Мне сказали, что кадровик, собрав эти документы, может меня так же начать разводить, и что никто не собирается меня увольнять — так и получилось. Я все собрал, ходил по всяким кабинетам, и мне начальник сказал, что их недостаточно, придумал еще какие-то глупые выписки из домовых книг, которые даже в личном деле есть.

Константин

Я совсем недавно написал рапорт на увольнение, сделал прямо обращение на командира части, предупредил, что сделал это, и меня сразу стали вызывать — что делаешь, зачем так? Я обратился, но это слишком быстро дошло до всех, командир, может, даже не узнал, пока письмо было в пути. Под

давлением, различными предлогами, мне сказали — забери письмо, чтобы оно не дошло, решим все на местном уровне.

Постоянно вызывают в выходные дни, у меня перед работой отсыпной день, звонят и говорят — приходи, надо срочно поговорить, и беседы-беседы-беседы-беседы о том, что я хочу уволиться, пытаются говорить, что пострадает личный состав, и люди, которые писали рекомендательные письма, пострадают, и тебе взыскание будет... Не знаю, возможно, это все в рамках закона, но я не считаю, что должно быть так, должно быть: если ты написал письмо или рапорт, его должна комиссия рассмотреть, и она уже должна решать, имеются у тебя основания для увольнения или нет.

Как только начинается разговор об увольнении, есть кнут и пряник. Прямых угроз нет, они тоже люди должностные, понимают, что бывает всякое, поэтому как-то косвенно — личный состав, взыскания. Я в рапорте указывал, что не могу реализовать свой потенциал, свою практику в данной сфере, нет ли возможности сделать что-то? Слышу обещания, переносы дат, сроки увеличиваются...

Надеюсь, у нас есть законодательство, которое нам поможет с этим справиться, и что люди не закроют глаза в определенных сферах и скажут, а вот действительно, почему парни как-то уволиться хотят, а им не позволяют? У них высшее образование, им расти и расти, а они сидят и за такую зарплату, на которую людям тяжело прожить в Москве и области... думаю, есть места, где помогут нам с этим.

Не знаю пока, где, начнем с самого низшего и так постепенно — все по законодательству, мы же не пытаемся себе выпросить офигенную зарплату и квартиру в центре Москвы, никого не шантажируем, не занимаемся бандитской деятельностью, исправно выполняем свои обязанности, несем службу, как положено, ни пререканий, ни взысканий, ничего не было.

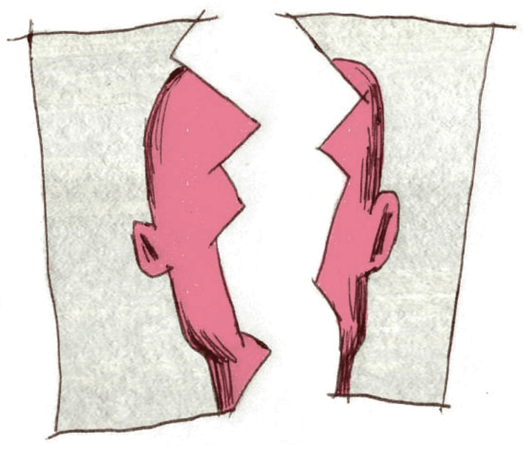

Иллюстрация: Виктория Ким / Медиазона

«Кадровики не хотят статистику портить»

Анатолий

После того как я решил уволиться, кадровая служба стала ко мне негативно относиться — куратор так же хорошо относится, а кадровая служба — негативно, придумывают всякие сказки, типа, если мы тебя уволим, руководству кадров прилетит. Все понимают, что кадровый голод есть. Но обычно где держат насильно? На границе[1]. Ты уехал на границу — все, тебя никто не отпустит. Если они не выявят, что ты наркоман, убийца какой-нибудь, рецидивист, то тебя будут держать там до последнего. В погранслужбу сложно затянуть кого-то, они там живут как отщепенцы, но у них и супербоевые

дежурства по охране границы, а на нас этого нет в принципе, нас уволить можно, и все.

Командир [части], может быть, и не знает, он бы сказал — ну, увольте вы его на хрен, чего он мозги колошматит всем. Но нет, по всем таким вопросам кадровики не хотят статистику портить: и так все не очень хорошо по кадрам, мошенническим путем сотрудников с гражданки заманивают, а если начнут еще и увольнять, начальник по репе получит, вот он и не хочет получать.

Хотя у нас были случаи, я еще тогда не проходил службу в данном подразделении, там перед этим выявили, по-моему, 12 сотрудников, которые завалили тесты [на употребление наркотиков], или их как-то выявили на месте — мутная история, но, чтобы наверх не ушло, все замялось, всех уволили очень хорошо, очень тихо и без происшествий. Я на такое не готов, вдруг меня не очень хорошо уволят?

Увольнение по отрицательным мотивам — не очень хорошо финансово. Увольнение из такой структуры, как у нас, перечеркивает всю возможность попасть куда-либо на государственную службу, в органы. Даже в армию могут не взять, если ушел по отрицательным мотивам. Это крест жирный, да и им меня уволить крайне тяжело, нужно меня наказывать, размалевать личное дело взысканиями, выговорами.

Можно просто уволиться по нарушению условий контракта, если какое-то серьезное ограничение нарушаешь, но на практике — не факт, что они тебя уволят из-за этого. Ну, я рассматриваю такие варианты, контракт второй заканчивается года через

два. Просто перестать ходить на работу нельзя: у нас же военизированная организация, это можно подвести к статье о дезертирстве.

Некоторым товарищам удавалось уйти. Один увольнялся у нас по здоровью, у него был определенный дефект, военная травма. Он лег в госпиталь на «Щукинской», проходил определенное обследование, ему говорили — да, есть льготные основания для увольнения.

Наш начальник кадров как узнал, кипеш сильный поднял — товарища прямо на следующий день выписали, сказали, попробуй обратиться в гражданскую клинику, чтобы они тебе выдали заключение. А фишка в чем: у нас, как и у всех силовиков, отобрали медицинские полиса, и мы не можем обратиться в гражданскую больницу, чтобы нас как-то обследовали или еще что-то, только экстренная помощь, допустим, сломал руку. Но состоялась дисциплинарная комиссия, и его со слезами на глазах отпустили, даже выплатили какие-то денежные средства.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. В пограничном управлении ФСБ.